

КРУГЛЫЙ ДОМ

Луиза Эрдрич

**КРУГЛЫЙ
ДОМ**

Москва
2019

УДК821.111-31(73)

ББК84(7Сое)-44

Э75

Louise Erdrich

THE ROUND HOUSE

Copyright © 2012, Louise Erdrich

All rights reserved

Перевод с английского *О. Алякринского*

Художественное оформление *А. Ивановой*

Эрдрич, Луиза.

Э75 Круглый дом / Луиза Эрдрич ; [пер. с англ. О. Алякринского]. — Москва : Эксмо, 2019. — 416 с.

ISBN 978-5-04-100815-4

«Убить пересмешника» в атмосфере индейской резервации.

Он находится на грани взросления. И получает жестокий удар: его мать подвергается жестокому насилию с расистским подтекстом. Это преступление полностью меняет его семью навсегда. Теперь ему предстоит свершить справедливость и отомстить обидчику.

«Круглый дом» — завораживающий литературный шедевр, одновременно история взросления, триллер и семейный роман.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

© О. Алякринский, перевод на русский язык, 2019

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-100815-4

Посвящается Паллас

Глава 1

1988 год¹

Маленькие деревца атаковали родительский дом, прорастая прямо из фундамента. Это были тоненькие побеги с парой крепких здоровых листочков. Тем не менее юные стволы — а вернее сказать, стебли — умудрились пробиться сквозь узенькие прорехи между коричневыми дощечками декоративной обшивки шлакоблоков. Они превратились в незримую стену, и теперь их было трудно выкорчевать. Отец отер ладонью лоб и сквозь зубы костерил их упрямую живучесть. Я орудовал ржавой садовой вилкой с растрескавшейся ручкой, а он — длинной каминной кочергой, от которой вреда было, пожалуй, больше, чем пользы. Наобум взрыхляя землю в тех местах, где, по его разумению, могли таиться разросшиеся корневища, отец невольно пробивал удобные лазы для будущей поросли.

Когда мне удавалось выдрать из почвы тоненькое деревце, я клал его осторожно, точно военный трофей, на узкую бетонную дорожку, опоясывавшую дом. Среди моих трофеев были побеги ясеня, вяза, клена и даже разросшийся побег катальпы, который отец поставил в ведро из-под мороженого и наполнил его водой в надежде, что позднее найдет, куда пересадить саженец. Мне казалось

¹ Здесь и далее названия всех глав повторяют названия эпизодов телевизионной саги «Звездный путь: следующее поколение».

чудом, что этим деревцам удалось пережить суровую зиму Северной Дакоты. Воды им было, наверное, вдосталь, но вот света явно не хватало, да и почвы тоже. И все же каждое семечко умудрилось пустить вглубь густые корни и вытолкнуть на поверхность бесстрашный росток.

Отец выпрямился и потянулся, массируя затекшую спину.

— Ну, хватит, — произнес он, хотя обыкновенно старался добиваться в любом деле безукоризненного результата.

Мне же не хотелось останавливаться, и когда он ушел в дом, чтобы позвонить маме, которая уехала к себе в офис за какой-то папкой, я продолжал искать спрятавшиеся под землей корни. Отец долго не появлялся, и я уже решил, что он по привычке прилег вздремнуть. Вы, наверное, решили, что я бросил копаться в земле — ведь у тринадцатилетнего мальчишки есть дела и поважнее, но как бы не так. Солнце уже начало клониться к горизонту, и всю резервацию объяли тишина и покой, а я только-только проникся важностью задачи уничтожить всех без исключения непрошенных гостей и выдрать каждого с корнем, где скопилась их жизненная сила. И, кроме того, мне казалось важным как можно тщательнее сделать эту работу — в отличие от прочих своих домашних обязанностей, которые я выполнял спустя рукава. Даже сейчас меня поражает степень моего усердия. Я всаживал вилку в землю как можно ближе к тоненькому побегу. Каждое деревце требовало особого обращения: нельзя было сломать растение в процессе извлечения его корневища, крепко засевшего в подземном убежище и не желавшего поддаваться.

Наконец я закончил, тихонько зашел в дом и проскользнул в отцовский кабинет. Взял с полки книгу по юриспруденции, которую отец именовал не иначе как «библией»: «Справочник федерального законодательства об индейцах» Феликса С. Коэна. Моему отцу эту книгу

подарил его отец. Рыже-красный переплет был весь исцарапан, длинный корешок потрескался, и все страницы испещрены рукописными пометками. Я читал ее, стараясь привыкнуть к старомодному языку и нескончаемым сноскам. На странице 38 то ли отец, то ли дедушка поставил большой восклицательный знак около выделенного курсивом описания дела, которое, естественно, и меня заинтересовало: «Соединенные Штаты против сорока трех галлонов виски». Наверное, кому-то из них такое название показалось забавным — и мне тоже! Тем не менее я задумался над мыслью, высказанной в других тяжбах и особенно ярко прозвучавшей именно в этом деле: что все наши договоры с правительством похожи на договоры с иностранными государствами. И что величие и сила, о которых мне говорил мой дед Мушум¹, не совсем утрачены, поскольку, пускай и в некоторой степени, они все еще находятся под защитой закона.

Я сидел на кухне, читал и потягивал холодную воду из стакана, когда еще не вполне проснувшийся отец вошел, зевнул и сонно поглядел на меня. При всей своей важности «Справочник» Коэна был не слишком тяжелым, и когда отец подошел поближе, я быстренько убрал книгу под стол и положил на колени. Отец облизнул пересохшие губы и стал озиаться то ли в поисках чего-то съестного, то ли надеясь услышать звяканье чайника, или звон стаканов, или звук шагов. Меня удивил его вопрос, хотя, на первый взгляд, ничего в нем не было необычного.

— А где мама? — как бы невзначай произнес он севшим голосом.

Я переложил книгу на соседний стул, встал и дал ему стакан воды. Отец в один присест его выпил. Он не повторил свой вопрос, но мы стояли и, мне показалось, смо-

¹ Дед — на языке анишинаабе, группы индейских племен Канады и США.

трели друг на друга как двое взрослых — словно он вдруг понял, что, читая его справочник по законодательству, я приобщился к его миру. Он сверлил меня взглядом, пока я не отвел глаза. Мне вообще-то уже исполнилось тринадцать. А две недели назад было только двенадцать.

— Может, на работе? — сказал я, стараясь не смотреть на него. Я предположил, что ему прекрасно известно, где мама, что он это выяснил, когда позвонил ей. Я знал, что она поехала к себе в офис, но не поработать. Поговорив с кем-то по телефону, она сказала, что ей нужно съездить забрать какие-то папки. Мама была специалистом по вопросам членства в племени¹ и сейчас, скорее всего, корпела над какой-то петицией, которую ей передали. Вообще-то она возглавляла управление, в котором была единственным сотрудником. В тот день было воскресенье — вот почему в резервации стояла такая тишина. Обычно по воскресеньям ближе к вечеру жизнь у нас замирала. Даже если бы мама из офиса отправилась в гости к своей сестре Клеменс, она бы давно уже вернулась домой готовить ужин. Мы с отцом это знали. Женщины и не догадываются, как много мужчины узнают о них из регулярности их привычек. Мы автоматически фиксируем их приходы и уходы, настраиваемся на их ритмы. Наш пульс синхронизируется с их пульсом, и вот теперь, как и всегда днем по выходным, мы с отцом уже настроились на то, что по маминой отмашке наши внутренние часы начнут отмерять наступление вечера.

То есть, сами понимаете, ее отсутствие остановило бег времени.

— И что же нам делать? — не сговариваясь, одновременно произнесли мы, и мне стало тревожно. По крайней мере, отец, видя, как я оробел, взял инициативу на себя.

¹ Административная должность в индейской резервации, связанная с рассмотрением ходатайств о приеме в племя.

— Надо ее найти, — сказал он.

Надевая куртку, я радовался, что он проявил такую решительность: «найти», а не просто «поискать». Поедем и найдем ее!

— У нее лопнула шина, — объявил он. — Скорее всего, мама решила кого-то подбросить до дома и напоролась на гвоздь. Дурацкие дороги! Пошли, одолжим у дяди машину и найдем ее.

Вот опять — «найдем ее». Я еле поспевал за ним. Он двигался быстро, и в нем снова ощущалась сила.

Отец в жизни все делал с опозданием — стал адвокатом, потом судьей, потом женился, уже будучи в летах. Думаю, для мамы было неожиданностью, что я появился на свет. Мой старый дед Мушум называл меня Упс. Такое он для меня придумал прозвище. К сожалению, все в нашей большой семье считали это прозвище смешным. И до сих пор меня иногда называют Упс. Мы спустились с холма к дому моих тети и дяди — бледно-зеленому коттеджу, построенному в рамках государственной жилищной программы. Коттедж был обсажен тополями и тремя голубыми елочками, придававшими ему благообразный вид. Там же обитал и Мушум, словно в тумане безвременья. Мы все гордились его рекордным долголетием. Он был хоть и древний, но еще всюю обихаживал дворик перед коттеджем. Каждый день, покончив с физическими упражнениями на воздухе, он располагался отдохнуть на раскладушке под окном в гостиной и лежал на ней как бревно, подремывая и временами издавая короткое тараканье — наверное, смешок.

Когда отец сообщил тете Клеменс и дяде Эдварду, что мама проколола шину и нам нужна их машина, — причем таким тоном, как будто обладал точной информацией об этой мифической проколоте шине, — я чуть не расхохотался. Он, похоже, убедил себя в правдивости своей выдумки.

В дядином «шевроле» мы вернулись по проселочной дороге на шоссе и поехали напрямик к зданию администрации племени. Объехали вокруг парковки. Пусто. В здании все окна темные. Отъехав от администрации, свернули направо.

— Уверен: она поехала в Хупдэнс, — заявил отец. — Купить в супермаркете чего-нибудь на ужин. Может, она решила нам сделать сюрприз, а, Джо?

Я в семье второй Энтон Бэзил Куттс, но я бы дал в глаз любому, кто бы добавил к моему имени «младший», или порядковый номер, или назвал бы меня Бэзилом. Когда мне исполнилось шесть лет, я решил, что буду Джо. А в восемь осознал, что выбрал имя своего прадеда Джозефа. О нем я знал главным образом то, что он делал пометки на полях книг с янтарными страницами и иссохшими кожаными переплетами. После него сохранилось несколько полок с этими древними изданиями. Мне было неприятно, что я не обладаю нестандартным именем, которое как-то выделяло бы меня в скучной череде Куттсов — ответственных, бесстрашных, можно даже сказать, беспечно героических мужчин, которые втихаря выпивали, но без разгула, выкуривали сигару-другую, ездили на надежных автомобилях и выказывали свой норов, беря замуж женщин смышленее себя. Я же в собственном представлении был совсем иным, хотя и не понимал до конца, в чем именно. Даже когда, смиряя тревогу, мы поехали искать маму, вероятно, поехавшую в местный супермаркет — ну а куда же еще она могла деться? — я понимал, что все происходящее относится к разряду чего-то нестандартного. Пропавшая мать. Такое не может произойти с сыном судьи, даже если он живет в индейской резервации. Во мне теплилась смутная надежда, что должно случиться *нечто необычное*.

Я был мальчишкой, который весь воскресный день провел, выкорчевывая молодые деревца из фундамента

родительского дома. И мне следовало смириться с очевидной истиной: вот кем мне, в итоге, и суждено стать, но я не хотел смиряться. Я сопротивлялся, как мог. И все же, хоть мне и хотелось тогда, чтобы произошло *нечто необычное*, я не имею в виду ничего плохого — просто что-то непредвиденное! Редкое событие. Никогда ранее не наблюдавшееся. Типа выигрыша в лото, хотя по воскресеньям у нас в лото не играют, да и не в мамином характере было играть в лото. Но именно чего-то такого мне и хотелось — чего-то из ряда вон выходящего. Не более того.

На полпути к Хупдэнсу мне пришло в голову, что супермаркет по воскресеньям закрыт.

Ну, конечно! Отцовский подбородок закаменел, руки крепко сжимали руль. В профиль он был вылитый индеец с киноафиши или отчеканенный на древней монете римский император. Его тяжелый, похожий на клюв нос и выпяченный подбородок излучали классический стоицизм. Он поехал напрямик в город, потому что, по его словам, она попросту могла забыть, что сегодня воскресенье. И тут мы заметили ее машину на шоссе. А за рулем — мама! Она мчалась по встречной полосе, явно превышая лимит скорости, торопясь поскорее вернуться домой, к нам. Но вот же мы! Мы засмеялись при виде ее напряженного лица, развернулись и устремились за ней вдогонку, глотая пыль из-под ее колес.

— Да она не в себе! — смеясь, сказал отец. У него явно отлегло от сердца. — Ну, видишь, что я тебе говорил! Она просто забыла! Поехала в магазин, позабыв, что он сегодня закрыт. Вот и осерчала, что зря потратила бензин. Ох, Джеральдин!

В его голосе, когда он это произнес: «Ох, Джеральдин!» — слышались радость, любовь и изумление. Вот из этих двух слов сразу становилось понятно, что мой отец всегда любил маму и сейчас любит. Он никогда не переставал испытывать к ней чувство благодарности за то, что

она вышла за него, а потом еще и подарила ему сына, когда он уже не сомневался, что на нем завершится его род.

«Ох, Джеральдин!»

Он всю дорогу мотал головой и улыбался, радуясь, что все в порядке, даже больше, чем просто в порядке. Но теперь-то мы могли признаться себе, что нас сильно встревожило необъяснимое мамино исчезновение. С ней такого никогда не случалось. Эти переживания заставили нас по-новому осознать всю, можно сказать, святую ценность повседневных ритуалов нашей жизни. И хотя в боковом зеркале отражалось лицо паренька, мечтающего вырваться из оков родительской опеки, в глубине души он, то есть я, тоже ценил эти простые удовольствия.

Теперь настал наш черед заставить ее всполошиться. Ну хотя бы чуточку, заметил отец, просто чтобы она сама почувствовала горечь наших треволнений. Мы не спеша доехали до дома тети Клеменс, оставили машину и зашагали вверх по холму, предвкушая раздраженный мамин вопрос:

— Ну и где вас носило?

Я прямо представил себе, как она стоит, уперев руки в боки, но за ее хмурым взглядом таится улыбка, готовая вот-вот озарить лицо. Конечно, она посмеется, услышав от нас всю историю с самого начала.

Мы шли по щебеночной дорожке к дому. Рядом с ней мама высадила ровным рядком анютины глазки, которые выращивала в картонных коробках из-под молока. Она высадила их ранней весной. Это были единственные цветы, способные выдержать заморозки. Подойдя к дому, мы увидели, что мама так и сидит в машине перед закрытой гаражной дверью. По положению ее тела я сразу понял: что-то с ней не так — она сидела неподвижно, точно закаменела на водительском сиденье. И тут отец побежал. Добежав до машины, он распахнул левую переднюю дверцу. Ее руки сжимали руль, и она смотрела прямо перед собой

невидящим взглядом — тот же взгляд я заметил на ее лице, когда она промчалась мимо нас на шоссе в противоположную от города сторону. Тогда, заметив ее застывшее лицо, мы рассмеялись. Ну, ясное дело: она злилась, что зря сожгла бензин!

Я поспешил за отцом. Осторожно ступая, чтобы не помять фигурные листочки и бутончики анютиных глазок, отец взял маму за руки и, осторожно разжав ее пальцы, отнял от руля. Потом обнял за локти, помог подняться с сиденья и поддержал, а она подалась к нему, полусогнувшись в поясе, в той же позе, в какой сидела за рулем. Мама бессильно припала к нему на грудь, не глядя на меня. Верх ее платья был запачкан блевотиной, а по всей юбке и по серой обивке сиденья расплзлась ее темная кровь.

— Беги к Клеменс, — велел отец. — Беги к ним и скажи, что я везу мать в город, в отделение скорой помощи. Пусть они едут в больницу!

Одной рукой он открыл заднюю дверцу, а потом, словно двигаясь в каком-то жутком танце, подвел маму к заднему сиденью и бережно положил на спину. Потом помог ей повернуться на бок. Она не проронила ни звука, только облизнула кончиком языка потрескавшиеся окровавленные губы. Я видел, как она моргнула, потом нахмурилась. Ее лицо начало опухать. Я обошел машину вокруг и сел на заднее сиденье рядом. Я приподнял ее голову и опустил себе на колено. Я положил руку ей на плечо. Ее мерно потрясывало, словно где-то в глубине ее тела был включен крохотный моторчик. От нее сильно пахло — блевотиной и чем-то еще, не то бензином, не то керосином.

— Я тебя высажу около их дома, — проговорил отец, резко сдавая назад, так что шины завизжали.

— Нет, я поеду с вами. Мне надо ее держать. Мы им позвоним из больницы.

До этого дня я почти никогда не возражал отцу, ни словом, ни делом. И мы даже не заметили, что я сейчас его